

*Лера
Шелест*

СКАЗКИ О МЫШЕ

Лера Шелест
Сказки о мышe

«Издательские решения»

Шелест Л.

Сказки о мышe / Л. Шелест — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939893-2

Сказки о господине Хрустике — это истории о том, что даже маленький мышонок может стать героем, особенно, если ему немного помогут друзья.

ISBN 978-5-44-939893-2

© Шелест Л.
© Издательские решения

Содержание

Сомбреро	6
Славный предок	8
Уроки танцев	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сказки о мышe

Лера Шелест

© Лера Шелест, 2018

ISBN 978-5-4493-9893-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сомбреро

Лето выдалось жарким и господин Хрустик – полевой мыш – провел все утро, плетя из соломы шляпу, а то в полдень даже к ручью не выйти, что уж говорить о поисках новых припасов и сокровищ для кладовой.

Надвинув шляпу так, что из-под нее виднелись только грозно топорщившиеся усы и подергивающийся от важности момента кончик носа, господин Хрустик проследовал к кромке воды и зачерпнул из ручья отполированной ореховой скорлупкой. Усиленно делая вид, что не слышит ни перешептывания лягушек, ни шушуканья кузнечиков, ни даже завистливого посвистывания ондатры, мыш напился, отер лапкой усы и, уже совсем было скрылся в зарослях прибрежной травы, когда над головой раздался тонкий голос:

– Надо же, какая шляпа! Настоящее сомбреро!

Господин Хрустик поднял глаза: над ним на ветке сидела, покачиваясь, желтая трясогузка. Мыш шмыгнул в траву и спотыкаясь понесся к норе. Через десять минут он сидел на кухне, ворча и зажевывая обиду. Конечно, Трясогузка в их краях – важная особа: она славилась тем, что каждый год выбирала в качестве зимней «дачи» новую страну, а потому была самой знающей и уважаемой птицей. Тем досаднее было ее замечание. Пусть они тут домоседы и, как обозвала их одна цапля, провинциалы, но ведь каждый живет как может. А он, Хрустик, – потомок многочисленного и знатного рода Хрустов, герб которых – «*держась за голову крестьянин на фоне пустого амбара*». И тут такая обида! Обозвать его шляпу – и прекрасную шляпу – какой-то «сомбрерой»!

Господин Хрустик был чрезвычайно расстроен и спохватился лишь когда заметил, что кухонные полки, ранее ломившиеся от запасов, таинственным образом опустели. Сообразив, что продолжая в том же духе, он не сможет высказать свое возмущение Трясогузке просто потому, что застрянет в дверях собственной норы, мыш собрался с духом и отправился обратно на берег. По пути он репетировал гневную речь и помахивал захваченной для храбрости соломинкой.

Стоило ему выйти к ручью, как раздался голос той же Трясогузки: «Ой, у него и шпага есть! Настоящий кабальеро!». От возмущения господин Хрустик растерял все слова и плюхнулся на мохнатый зад.

– Госпожа Трясогузка, – наконец выдал он тонким от потрясения голосом, – наши предки всегда были хорошими соседями, а вы позволяете себе высказывать такие ругательства в мой адрес! Какая-то «сомбрера», еще и кабачок приплели! Признаю, что я упитан, как и положено уважающему себя мышу, но кабачок – это уж извольте! Неимоверное нахальство!

И тут Трясогузка выказала выдержку, подтвердившую ее звание самой уважаемой особы на этом берегу ручья: она смогла не только не подавиться пойманным жучком, но и удержаться от смеха, который окончательно обидел бы ее старого знакомого.

– Но господин Хрустик, я и в мыслях не имела ничего плохого! Сомбреро – это такая широкополая шляпа у мышей Испании. А кабальеро могут называться только самые доблестные из мышей той далекой страны. Вам не на что обижаться.

Господин Хрустик облегченно вздохнул и оглянулся, затем довольно расправил усы: мало того, что его назвали *доблестным мышем*, так и падения, кажется, никто не заметил. Он встал, отряхнулся, поправил шляпу и поклонился, как настоящий испанский кабальеро.

– Простите, уважаемая соседка. Может вы поужинаете со мной и расскажете мне побольше о тех краях?

Тем вечером Трясогузка сидела у норы господина Хрустика, угощаясь предложенным зерном и вспоминая свои путешествия, а устроившийся на корне дерева мыш старался не смотреть на еду, подозревая, что проголодается он очень нескоро.

Сейчас нора была засыпана снегом, а господин Хрустик неторопливо закусывал сидя на диване, любясь на свое «сомбреро» и вспоминая рассказы о храбрых испанских мышах, которые дразнят кошек красными лепестками маков (главное в этой забаве – вовремя ускользнуть в нору); о диковинных оранжевых яблоках, называемых апельсинами, – подарках великого мышинобога Ратона – одна корка такого яблока, положенная у входа, отпугивала любого кота, и о серенадах – ночных хоровых пицаниях у домиков самых прелестных мышиных сеньорит. В норке царил полумрак, и круглое желтое сомбреро казалось далеким солнцем, солнцем жаркой Испании.

Ратон (исп. raton) – мышь

Славный предок

Господин Хрустик стоял у входа в норку и махал лапкой, провожая гостью. Сегодня у него с визитом была госпожа Книжница – домовая мышь, его старая знакомая. Как, вы не слышали о роде Книжников? Семья эта была настолько почитаемой, что знакомством с ней гордился даже сам Хрустик. Книжники с презрением относились к складам и кухням, заявляя, что превыше всего – знания, поэтому селились они исключительно в библиотеках. Ходили легенды об одном из предков, который лично уничтожил в графской усадьбе тома энциклопедии от М до У, а потому заслуженно носил звания Мудрейшего, Начитаннейшего, Образованнейшего – и так по алфавиту до Умнейшего. Гербом рода был «*мышь, доедающий библиотечную страницу*», что означало готовность жертвовать собой ради знаний.

Господин Хрустик и госпожа Книжница любили посидеть вечером, рассуждая о знатности рода и вспоминая великие свершения. По большей части рассказ вела домовая мышь, отдававшая предпочтение историческим книгам, а потому как никто знавшая о великой роли, сыгранной их предками во время исследования и завоевания новых земель.

Мыши-крестоносцы сопровождали рыцарей, путешествуя в мешках с овсом, и были первыми, кто захватил если не святыни, то продовольственные склады противника.

И на американскую землю первым ступил тоже мыш; и не важно, что при этом он убежал от корабельного кота, ставшего, по сути, вторым.

Были, разумеется, и более скромные открытия. Так, люди никогда бы не додумались до ажурных узоров на ткани и кружев, если бы не одна мышь – настолько застенчивая, что имя ее не сохранилось в истории – услышавшая жалобы королевы на то, что надеть нечего, а завтра прибывает иностранное посольство.

И вот теперь господин Хрустик махал вслед уходящей гостье и никак не мог избавиться от легкой досады: ему не давали покоя деяния предков. Всю ночь он ворочался с боку на бок, так что соломенное гнездышко, над которым он трудился не один день, безнадежно растрепалось. Утром он встал с твердым решением стать *славным предком*.

Оставалась мелочь – решить, в чем он станет первым и неповторимым. Мысль о долгих путешествиях господин Хрустик отмет сразу: не оставлять же на разграбление кладовую. Научные изыскания он тоже отверг после долгих раздумий: всем известно, что все эти труды и диссертации на вкус отвратительны. Мелькнула у него мысль поселиться на березе, но госпожа Книжница отговорила: в одном из надкусанных ею журналов была статья о древесных мышах.

Днем господин Хрустик как обычно занимался поиском припасов (даже *славным предкам*, одним из которых он непременно станет, нужно что-то есть зимой), а по вечерам задумчиво бродил вдоль ручья, размышляя о будущих свершениях.

Однажды лапки принесли его к обрыву, изрытому норками береговых ласточек. Господин Хрустик какое-то время сидел и задумчиво тербил усы, устроившись на булыжнике, лежавшем на самом краю и чуть выступавшем вперед, как маленький балкон. Мышь совсем уже собрался было уходить, когда раздались птичьи вопли: «Змея!» Господин Хрустик вскочил, запутался в собственном хвосте, подпрыгнул, стремясь скрыться подальше от опасного места, и тут камень, на котором он сидел, заскользил вниз. Мгновение спустя крики ужаса сменились радостными: булыжник упал прямо на голову разбойнице-змее, как раз подобравшейся к одной из норок.

В норке господина Хрустика, над входной дверью, висел новый герб: «*мышь, попирающий лапкой змею*», а по лесу расходилась, обрастая все новыми подробностями, легенда о Мыше,

в одиночку убившем гадюку. Нашлись даже те, кто утверждал, что змею он задушил, а длиной она была от одного берега до другого, но это уже сказки.

Уроки танцев

Тем вечером господин Хрустик взволнованно ходил взад-вперед по кухне и то мотал головой, то теребил усы, а несколько раз даже принялся жевать кончик хвоста. Причина его беспокойства белела на столе: это было нацарапанное на кусочке бересты приглашение принять участие в Первом танце Бала середины лета.

Наконец, мыш устало опустилсЯ в кресло и закрыл лапками глаза. В детстве он очень любил ходить с семьей на этот праздник, который устраивался на лесной поляне, достаточно просторной, чтобы вместить всех гостей. На закате музыканты начинали играть – и мелодии не смолкали до тех пор, пока у гостей были силы танцевать. На Бал середины лета созывали лучших из скрипачей-кузнечиков, а светлячки устраивались в колокольчиках-фонарях, освещая поляну. И, конечно же, было угощение – зерна и ягоды, разложенные на перевернутых шляпках грибов. Впрочем, эти «тарелки» к концу праздника тоже обычно оказывались если не съеденными, то надкусанными.

Когда господин Хрустик был маленьким, большую часть Бала он проводил на стебле фонарика – оттуда ему и видно было хорошо, и не было опасности, что на него наступят танцующие, или, что еще хуже, его заметят родители и отошлют спать.

Самым важным был Первый танец – на него приглашали только *уважаемых мышей*. Танцующие образовывали круг, в центр которого мыши-кавалеры по очереди выводили своих дам; там пара проделывала несколько па, возвращаясь затем на свое место в круге. Господин Хрустик был не настолько юным и легкомысленным, чтобы плясать до рассвета, но лежавшее на столе приглашение свидетельствовало, что его считают *важной особой*, а значит придется принять участие в Первом танце, а он, он – зверек громко вздохнул – он совсем не умеет танцевать. Надо же, столько лет крохотный мышенок Хрустик засыпал, мечтая о том, как он выйдет в круг с другими *уважаемыми мышами*, столько лет он потом работал, выкапывая и улучшая свою норку, набивая кладовые. А теперь он совсем не готов к оказанной чести. И до Бала всего десять дней!

Господин Хрустик поднялся и попробовал сделать несколько танцевальных движений – ведь и нужно-то всего три-четыре изящных па и грациозный поклон. Запутавшись в хвосте и чуть не упав, он сдался и отправился спать. Но и сны оказались такими же беспокойными как вечер: Хрустик то спотыкался, то наступал даме на лапу, а конец каждый раз оказывался одинаковым – сгорая от стыда он бежал домой, а вслед доносилось хихиканье гостей.

Утром, когда полевой мыш поплелся к ручью, чтобы умыться и набрать воды для чая, он совсем не ожидал, что его спасительница ждет на берегу. Госпожа Трясогузка принимала ванну. Она внимательно выслушала сбивчивые объяснения Хрустика, а затем твердо сказала:

– Дорогой сосед, вам нужен учитель. Учитель танцев. Вот только кто? – Некоторое время она задумчиво перебирала клювом перышки на груди. – Знаете, когда речь заходит о танцах, любая птица назовет лучшим кого-то из своих сородичей, но второе место все отдадут журавлю, господину Длинношею. Когда он ухаживал за своей невестой, именно изящество помогло ему покорить избранницу. Вот к нему вам и следует обратиться.

Журавль долго отказывался, отговариваясь тем, что у него и так полно забот: искать корм для двоих детей, учить их летать, добывать пищу и находить дорогу по солнцу и звездам. Наконец, когда Хрустик пообещал принести ягод для малышей, а также нанизать рябиновое ожерелье для госпожи Длинношеи – эта работа была слишком тонкой для самого журавля – согласие было получено. Решено было встречаться по вечерам, возле ручья.

Но трудности на этом не закончились, скорее наоборот. Во-первых, они не сразу смогли выбрать подходящее место для уроков: на каменистом берегу господин Хрустик спотыкался и падал, что очень вредило его репутации *уважаемой особы*, а в траве высокие стебли мешали

ученику и учителю разглядеть друг друга. Наконец, господин Длинношей догадался посадить мыша на высокий плоский валун.

Во-вторых, они долго путались в крыльях и лапах. Нет, те не связывались в клубок, но когда журавль впервые скомандовал «взмахните крыльями», господин Хрустик озадаченно замер: крыльев у него не было. Решено было называть крылья лапами, но тут снова возникла путаница: когда господин Длинношей говорил, например, поднять правую лапу, мыш путался – переднюю или заднюю – сбивался, терял равновесие и даже падал. В конце концов, журавль протянул господину Хрустику два перышка и велел прикреплять их к передним лапам на время уроков; теперь мыш мог считаться если не летучим, то уж точно крылатым.

Третью заминку вызвало распоряжение учителя «а теперь распушите хвост». Господин Хрустик оглянулся: хвост распушаться не желал. От прыжков им также пришлось отказаться, потому что солидная фигура ученика совсем не подходила для подобных упражнений.

Последней трудностью стало требование учителя «пощелкать клювом». Ученик послушно попробовал клацнуть зубами, но получилось настолько грозно, что оба – и господин Длинношей, и господин Хрустик – решили, что так можно испугать даму до обморока. Спасла ситуацию госпожа Трясогузка, прилетевшая в тот вечер посмотреть на урок. Она рассказала об одном инструменте, который видела в своих путешествиях. Тот назывался кастаньеты и издавал похожий звук. Под руководством Трясогузки мыш попарно скрепил прочными травинками четыре кусочка дерева. Несколько дней Хрустик тренировался выстукивать ритм при помощи нового инструмента. Под конец начало получаться настолько бодро и задорно, что сам господин Длинношей начал пританцовывать.

Последним уроком стало умение кланяться. По совету все той же госпожи Трясогузки мыш захватил на урок свое «сомбреро». Теперь, кланясь, Хрустик снимал шляпу, изящно взмахивал ею и шаркал задней лапкой. Получалось настолько изысканно, что господин Длинношей подарил ученику самое мягкое, пушистое и пышное из своих перьев, чтобы мыш сделал из него плюмаж.

На следующий день после Бала, за утренним чаем госпожа Книжница рассказывала о празднике своей бабушке, которая была слишком старой, чтобы идти в такую даль.

– Первый танец был, как всегда, замечательным. Но господин Хрустик, да-да, тот самый, сын старого Хруста, поразил всех. Он так красиво кланялся, так умело выстукивал ритм! Нет, я не знаю, как он это делал, но все дамы были в восторге. Под конец ему даже пришлось потихоньку улизнуть – поклонницы не давали ему покоя.

А господин Хрустик в это время довольно потягивался в своем соломенном гнездышке, вспоминая Бал. Правда, сон его отчасти сбывся: ему действительно пришлось сбежать с праздника, зато общий восторг послужил ему наградой и за пережитые волнения, и за страх перед насмешками, и за синяки от падений. Вот только лучше, наверное, будет воздержаться от участия в Первом танце в следующем году. Нехорошо получится, если дамы перессорятся, решая, кому быть его партнершей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.